

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

А. К. ЖОЛКОВСКИЙ

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО:
ПОЭТИКА НЕДОВЕРИЯ

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1999

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Ж 79

Книга издана при финансовой поддержке
Университета Южной Калифорнии

Жолковский А. К.

Ж 79 Михаил Зощенко: поэтика недоверия. — М.: Школа
«Языки русской культуры», 1999. — 392 с., 1 ил.

ISBN 5-7859-0030-0

В книге известного литературоведа, профессора Университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес), развивается новое прочтение творчества Зощенко в свете его автопсихоаналитической повести «Перед восходом солнца» и воспоминаний о нем современников. «Зощенковский персонаж» предстает своего рода портретом самого автора в, по выражению Гоголя, «разжалованном виде из генералов в солдаты». Главы, посвященные сквозным мотивам зощенковской прозы, чередуются с разборами знаменитых рассказов в терминах этих мотивов и на фоне русской и западной литературной традиции.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-83Зощенко

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© А. К. Жолковский, 1999
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика.
Культура», 1995
© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Содержание

Предисловие	7
Список условных сокращений	11
Глава I	
Невидимые миру страхи: Зоценко-юморист в сумеречном свете «Перед восходом солнца»	13
Глава II	
Проблемы с гостями, или не надо иметь родственников	29
Глава III	
Идейная структура «Душевной простоты» (Зоценко, Достоевский и другие)	48
Глава IV	
«Я беспорядков не нарушаю»: Зоценко и власть	58
Глава V	
Крепковатый брак: зубной врач, корыстная молочница, интеллигентный монтер и их автор	80
Глава VI	
Рука ближнего и ее место в поэтике Зоценко	107
Глава VII	
«Монтёр», или сложный театральный механизм	132
Глава VIII	
Покой — беспокойство — успокоение	145
Глава IX	
Зоценко и Чехов: страх, футляр, случай	174
Глава X	
Наука выживания и заграница	188
Глава XI	
Вертер на колесьях	219
Глава XII	
Еда на границе жизни и смерти	233
Глава XIII	
«Иностранцы», или «все в порядке»	247
Глава XIV	
Лицо, маска и искусство Мельпомены	262
Глава XV	
Последняя глава, под названием «Eccola!»	288
Заключение	304
Примечания	313
Литература	361
Указатель понятий и мотивов	371
Указатель имен и произведений	379

Предисловие

Эта книга — результат четырех лет направленной работы и четырех десятилетий сравнительно бескорыстных размышлений о смысле зощенковского творчества. С ранних лет я любил и почитал Зощенко как современного классика, но долгое время держался в рамках читательской реакции, не покушаясь на разгадку его художественных тайн.

О Зощенко написано немало, в том числе первоклассными литературоведами нескольких поколений, начиная с его старших современников и кончая пишущими сегодня. С интересом усваивая сделанное зощенковедами, в основном российскими, а в последнее время и американскими, я, однако, не мог отделаться от ощущения, что загадка остается неразрешенной. Не удовлетворили меня и первые собственные попытки, в основном следовавшие общепринятому зощенковедческому курсу — культурно-социологическому с элементами неформализма.

Новым стимулом к моим занятиям Зощенко послужило знакомство с психобиографическим подходом, поставившим в центр внимания повесть «Перед восходом солнца» (ПВС). Меня вдохновила идея (выдвинутая моей аспиранткой) спроецировать данные ПВС на остальной, и прежде всего, комический корпус произведений Зощенко и таким образом получить ключ к сокровенному единству его художественного мира. Двигаясь в этом направлении, я почувствовал, что впервые начинаю действительно понимать Зощенко. Выходило, что ларчик просто открывался, заставляя задуматься, почему столь несложный секрет столь долго ускользал от исследователей. Тем увлекательнее было заняться систематическим изложением новообретенного знания. Демонстрации того, как небольшой группой глубинных инвариантов охватывается достаточно представительный фрагмент (в идеале — весь объем) зощенковского творчества, и посвящена книга.

Главное отличие нового подхода я вижу в сосредоточении на экзистенциальной проблематике Зощенко. С актуальных внешних объектов его сатиры — жульничества, бюрократизма, пьянства, неграмотности и т. п. — акцент переносится на извечную внутреннюю драму человеческого состояния (*condition humaine*), мучительно занимавшую автора. Иными словами, вместо вещей и карикатурно опредмеченных людишек, в фокусе оказывается человек — естественный материал великого искусства.

Техническим выражением такой смены интерпретационной парадигмы является обновление языка описания. Вместо “положительных” и “отрицательных” явлений, “мещанства” и “(без)духовности”, “полугра-

мотного сказа” и “прямого авторского слова” (беру наугад несколько понятий, характерных для разных школ зощенковедения), разговор пойдет о пронизанности зощенковских текстов “страхом” и “недоверием”, “гарантиями покоя” и “превентивными мерами”, “боязнью гостей”, “фобией руки”, “неврозом еды” и дальнейшими конкретизациями и переплетениями этих экзистенциальных тем. В то же время многие слои устоявшегося зощенковедческого словаря — “лицо”, “маска”, “энциклопедия некультурности” и другие — остаются релевантными, требуя реинтерпретации в новых терминах.

Предлагаемый набор мотивов не выведен дедуктивно и не заимствован из какой-либо одной, скажем, психоаналитической, понятийной номенклатуры. Он получен путем тщательного рассмотрения зощенковских текстов в свете центральной гипотезы о единстве «смешных» и «серьезных» вещей. В этом анализе, нацеленном на выявление системы инвариантов, образующих поэтический мир автора, я пользовался привычными методами поэтики выразительности. Важная, хотя не особенно новаторская, поправка состояла в том, что круг рассматриваемых собственно литературных текстов был дополнен «биографическим текстом» Зощенко (реконструируемым по ПВС, воспоминаниям современников, переписке и т. п.), а собственно структуралистский инструментарий — обращением к интертекстам, архетипам, психоаналитическим схемам и некоторым другим приемам исследования. Эвристической подоплекой такой эклектики (давно узаконенной постструктурализмом) было стремление любыми доступными средствами удовлетворить давнее любопытство — понять, «чего хотел автор сказать своими художественными произведениями», узнать, «что у него внутри».

Относительный консерватизм применяемой методологии (относительный, ибо программа описания поэтических миров редко принимается и еще реже осуществляется всерьез) носит не принципиальный, а скорее вынужденный характер. Отчасти он связан с неизбежной научной ограниченностью данного исследователя, отчасти — с зачаточным состоянием того типа зощенковедения, о разработке которого идет речь. Перефразируя Мандельштама, Зощенко «еще не написан», и потому представляется преждевременным обрушивать на него всю мощь разнообразных научных методов — историко-литературных, источниковедческих, компаративистских, деконструктивных, постфрейдистских, гендерных, ново-исторических, социологических и под. Более простая, но и более честолобивая задача состоит, на мой взгляд, в том, чтобы внимательно прочесть, наконец, его рассказы — не как злободневные сатирические выступления, а как маленькие шедевры, каждый смысловой ход, каждое конструктивное решение и каждая деталь которых требуют осмысления в свете единой картины поэтического мира автора. «Операция», «Монтер», «Иностранцы» заслуживают прочтения, которое апеллировало бы ко всем типич-

ным уровням читательского восприятия — философскому, психологическому, телесному, формально-литературному, интертекстуальному, а не только к настройке на специфически советскую эзоповскую волну.

Давно ждут объяснения знаменитые зощенковизмы вроде «слабой тары», «курской аномалии» и «докторши, утомленной высшим образованием», но не в порядке культурно-лингвистической справки о проникновении газетной лексики в бытовую речь и далее в авторский сказ, а с точки зрения их места в системе зощенковских инвариантов. Аналогичный и, может быть, еще более интересный вызов исследователю бросают такие почти незаметные для читательского глаза обороты, как «чего бы ни случилось», «все в порядке», «далеко не ерунда», «нервы распатыаны» и т. п., составляющие, однако, непосредственную ткань зощенковского дискурса и потому вызывающие о серьезном истолковании.

Поисками исчерпывающих ответов на очерченный круг вопросов и продиктован способ изложения. Некоторым оно может показаться одновременно и слишком подробным, и слишком централизованным — «семиотически тоталитарным», по известному выражению Сола Морсона. Таковы, пожалуй, неизбежные издержки предпринятого проекта. Свою задачу я вижу в том, чтобы с максимальной ясностью и полнотой выговорить — сформулировать, детализировать, проиллюстрировать — новое прочтение любимого автора.

Книга строится как чередование глав, посвященных целым фрагментам поэтического мира Зощенко (инвариантным мотивам «страха», «покоя», «руки» и др.), и глав-разборов отдельных рассказов. Последние привлекаются, в первую очередь, для иллюстрации соответствующих мотивов, но, попав под аналитический микроскоп, подвергаются более или менее целостному описанию. С небольшими вариациями эти монографические разборы следуют единому формату: текст — традиционное прочтение — биографический контекст — литературный интертекст — зощенковские инварианты — архетипический фон — реинтерпретация — словесные эффекты.

Часто один и тот же объект — инвариантный мотив, рассказ, цитата, сюжетная деталь — проходит в книге неоднократно, освещаясь под разными углами зрения, иногда в специальной главе или разделе, иногда мимоходом, по какому-то другому поводу. Ориентации читателя в этом лабиринте аналитических петель, отражающем принципиальную сверхдетерминированность художественного текста, призваны способствовать перекрестные отсылки в основном тексте книги и Указатели, вынесенные в ее конец. Именно в Указателе (понятий и мотивов) читатель найдет перечень и некоторую группировку зощенковских инвариантов; однако от сведения их в жесткую иерархию и выделения в особый раздел я сознательно воздержался. Книга в целом тоже образует лишь постепенно аккумулирующееся единство, и благодаря довольно свобод-

ному построению и чередованию глав она, я надеюсь, может читаться с любого места: по идее, на каждой ее странице должно быть зафиксировано присутствие идиосинкратического зощенковского видения мира.

В своей работе я пользовался советами и помощью многих людей. Прежде всего, назову свою бывшую аспирантку Лилю Грубишич, которой я обязан рабочей гипотезой исследования; Ю. К. Щеглова, роль многолетнего соавторства и последующего диалога с которым (в частности, о Зощенко), не говоря уже о его подробных замечаниях к рукописи, трудно переоценить; и Катю Компанеец — первого слушателя, дискуссанта, а часто и генератора развиваемых идей. На разных этапах работы доведению ее до теперешнего вида так или иначе способствовали М. А. Аркадьев, А. Ю. Арьев, Н. А. Богомолов, Жан Бонамур, Джон Боулт, П. В. Дмитриев, А. С. Долинин, С. Н. Зенкин, А. Л. Зорин, В. В. Иванов, Э. П. Казанджан, Грег Карлтон, Б. А. Кац, Катриона Келли, К. С. Кузьмин, Маркус Левитт, Айрин Мазинг-Делик, В. В. Мочалова, Эрик Найман, М. П. Одесский, А. А. Орелович, Е. Н. Пенская, Наталия Первухина, Н. В. Перцов, К. М. Поливанов, Кэти Попкин, Кирилл Постоутенко (прочитавший черновик большинства глав), М. Г. Раку, Дэниэл Ранкур-Лаферрьер, Омри Ронен, Том Сейфрид, А. Д. Синявский, Стефани Сэндлер, Линда Скэттон, Ю. В. Томашевский, Р. Д. Тименчик, Криста Хэнсон, М. О. Чудакова, а также аспиранты моего спецсеминара по Зощенко в Университете Южной Калифорнии (осень 1995 г.), особенно Михаил Гронас и Лора Уилер. Всем им я приношу искреннюю благодарность.

Санта-Моника

Июль—август 1998 г.